Н. М. Боброва
Петрозаводск

ОБ ОДНОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В ЛИРИКЕ А. К. ТОЛСТОГО

«Певец, держащий стяг во имя красоты», — так назвал себя А. К. Толстой, определив тем самым свою позицию в литературе. Такое понимание искусства помогло поэту создать произведения, наполненные настроениями *независимости, целомудренной чистоты, светлой грусти, ответственности за историческое настоящее и прошлое России*, в которых отражены национальные основы народного бытия и тип русской национальной культуры. Это прежде всего стилизованные под фольклор стихотворения. Свои песни любви и горя автор передоверяет голосам фольклорной традиции.

Фольклорные элементы лексического, словообразовательного и синтаксического уровней живой нитью вплетаются и пронизывают языковую ткань многих лирических стихотворений А. К. Толстого. Причем «процесс обогащения стиля писателя средствами фольклорной образности совмещался с расширением общественной проблематики и углублением психологического содержания поэзии»[1]. Индивидуальность автора проявляется уже в самом факте избирательности, предпочтительности определенных языковых средств. Из всего богатства языковых структур поэт выбирает те, которые особенно ярко могут передать этническое сознание, национальное мировосприятие. Именно таковыми являются инфинитивные предложения.

Следуя традициям русского синтаксиса, инфинитивными предложениями будем называть такие, главный член которых выражен независимым инфинитивом. Важными признаками инфинитивных предложений являются обязательная соотнесенность действия с выраженным или невыраженным косвенным субъектом в дательном падеже[2] и яркая модально-субъективная окрашенность содержания конструкции[3]. Модальные возможности инфинитивных предложений в русском языке разнообразны[4].

Инфинитивные модели в стихотворениях А. К. Толстого составляют 2%. Так как объектом наблюдения являются лирические стихотворения, то нас

© Боброва Н. М., 2001

[1] *Лотман Л. М.* А. К. Толстой // История русской поэзии. М. С. 161.

[2] Обзор литературы по одному из «проклятых» вопросов (выражение Т. Б. Алисовой) теории грамматики, а именно формы дательного предикативного см.: *Брицын В. М.* Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. С. 80—84.

[3] Разные точки зрения на классификацию инфинитивных предложений см.: *Брицын В. М.* Указ соч. С. 199—208.

[4] *Тимофеев К. А.* Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. М., 1950. С. 257—301.

будет интересовать не столько синтаксическая характеристика инфинитивных предложений, сколько выявление их содержательной нагрузки, их соотнесенность с мировосприятием художника.

Уже в раннем стихотворении «Колокольчики мои...» А. К. Толстой прибегает к фольклорной стилизации: по типу инфинитивного предложения он конструирует начало третьей строфы[5]. После построенного по сугубо фольклорной модели межстиховой атрибуции лирического обращения, которое акцентирует лирическое начало, вводя яркую субъективную модальность, он ставит синтаксическую структуру, наполненную обобщенно-объективным содержанием. Невозможность наступления действия, обозначенного инфинитивом, представляется объективно обусловленной и независимой от воли субъекта:

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!
Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой, —
А куда? Не знаю!
(54)[6]

Оттенок абсолютной, объективной невозможности усиливается отрицательной формой. И хотя ударение в этой фразе падает на инфинитив[7], но не меньший вес имеет косвенное дополнение «уздой», так как «в глагольных словосочетаниях более сильное ударение несет на себе зависимая от глагола предложно-падежная словоформа»[8] и положение этого дополнения инверсировано. Такое построение позволяет поэту создать глубоко оригинальный образ дикого славянского коня как символа державной поступи России, ее неизведанных возможностей и исторического предназначения. И хотя действие, названное инфинитивом, не имеет морфологического показателя вре-

---

[5] Следует отметить, что чаще всего А. К. Толстой избирает наиболее излюбленные в фольклоре отрицательные инфинитивные конструкции.

[6] Здесь и далее цит. по: *Толстой А. К.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1969 (в скобках указана страница).

[7] «...значение невозможности достигается не только посредством инфинитива, но и ...особой категорической интонацией, усилением интонационного напряжения над самим инфинитивом» (*Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. С. 213).

[8] *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 100.

менной соотнесенности, совершенный вид независимого инфинитива с отрицанием экспрессивно выражает объективную невозможность реализации действия в условиях будущего времени[9].

Так представляется поэту историческое предназначение России не только в настоящем, но и в будущем. Конечно, здесь отразилась мысль поэта о предстоящем прорыве в будущее патриархальной России с ее исторической миссией славянского первопроходца, разделяющего в то время[10] взгляды славянофилов в их оценке национального своеобразия и исторического предназначения России. Точно выбранная инфинитивная конструкция позволяет автору преодолеть все личностное, субъективное и, устраняя неопределенность, перевести повествование в обобщенно-объективный план. Такое построение в духе народного языка выражает предельную степень действия, избавляет художника от введения описательно-характеризующих картин, роль которых приняла на себя инфинитивная конструкция.

Большая сила обобщения достигается полинегативными конструкциями, структурная модель которых создается за счет осложнения грамматического ядра, выраженного независимым инфинитивом с обобщенно-отрицательным компонентом расчлененного характера. «Обобщенно-отрицательное значение таких предложений включает в себя негацию имплицитно выраженного родового понятия по отношению к двум или более видовым»[11]:

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!
С жизнью бороться приходится, с бабой- ягою!

(174)

Такое построение выражает тему расширения объема обобщенно-неотвратимого инфинитивного действия. К. А. Тимофеев указывает на сочетание в них двух модальных оттенков — неизбежности и невозможности, — позволяющих рассматривать их двояко[12]. По наблюдениям Н. Д. Гусаровой и М. А. Коробейниковой, такие конструкции характерны для причети, так как в них «четче выражены принципиально важные для обрядовой причети идеи неизбежности и в конечном итоге необходимости происходящего»[13].

---

[9] *Тарланов З. К.* Инфинитивные предложения в русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. С. 7.

[10] «Уже в 1857 году наступило охлаждение между Толстым и редакцией “Современника”. <...> Одновременно произошло сближение со славянофилами», — указывает И. Ямпольский (*И. Ямпольский.* А. К. Толстой // А. К. Толстой. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 8).

[11] *Савельева Л. В.* Формы отрицания в русском языке донационального периода. Л. С. 24.

[12] *Тимофеев К. А.* Указ. соч. С. 280.

[13] *Гусарова Н. Д., Коробейникова М. А.* О функциях инфинитивных предложений в языке фольклорных жанров // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 164.

Инверсированное положение косвенного субъекта по отношению к инфинитивному сказуемому (обычным местом субъекта в предложении является его положение перед инфинитивным сказуемым)[14] усиливает логическую весомость последнего, одновременно усиливается значение неотвратимой (роковой) неизбежности, предложение приобретает особую экспрессивность. Открывая стихотворение и выполняя функцию зачина, подобные построения выступают эмоциональной доминантой, задающей интонационный ключ ко всему дальнейшему повествованию.

Реализуя остроэкспрессивные возможности, вытекающие из перифрастической природы отрицания, автор использует отрицательно-инфинитивные конструкции для создания гиперболизированного, масштабного образа. Концентрация, сфокусированность поэтического взгляда дает ощущение пространства и простора:

А какая-то другая думушка,
Что ни высказать, ни вымерить,
Ни обнять умом, ни окинути.
(168)

Ах ты гой еси, правда-матушка!
Велика ты правда, широка стоишь!..
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать тебя кругом во сто лет,
Посмотреть на тебя — шапка валится!
(239)

Эта стилистическая функция негативных построений хорошо известна сказочной фольклорной поэтике. Так, при описании чудесных явлений или героев, наделенных необычайными качествами, информативные пояснения перемещаются на второй план, уступая место негативным конструкциям, которые «лишь называют отправные точки для развертывания воображения в противоположную сторону»[15].

С модальным значением невозможности отрицательные конструкции А. К. Толстой использует для построения приема психологического параллелизма. Как и в фольклоре, эта поэтическая формула является стержнем композиционного построения песни:

---

[14] *Тимофеев К. А.* Указ. соч. С. 279.
[15] *Савельева Л. В.* Отрицательные конструкции в некоторых прозаических жанрах русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С. 69.

Уж ты нива моя, нивушка,
Не скосить тебя с маху единого,
Не связать тебя всю во единый сноп!

Уж вы думы мои, думушки,
Не стряхнуть вас разом с плеч долой,
Одной речью-то вас не высказать!
(90)

Не сойтися утру с вечером,
Не ужиться двум добрым молодцам.
(139)

Особенно интересно использование экспрессивных возможностей инфинитивных предложений в стихотворении «Хорошо, братцы, тому на свете жить…», где характеристика лирического героя, для которого жизнь — беда, потому что «Бог дал очи зоркие», оформлена как цепь последовательно следующих инфинитивных предложений:

Ему б мерить все да взвешивать,
На все боки бы поворачивать!
Не бывать ему воеводою,
Не бывать ему посадником,
Думным дьяком не бывать ему,
Ни торговым делом не правити!
(171)

Здесь представлен сложный сплав различных модусов. В дебитивном предложении, в котором высказывается предположение о том, что обозначенное действие наиболее подходило бы косвенному субъекту, значение положительного инфинитива с частицей *бы* в силу необходимости мыслится долженствующим быть совершенным, а поскольку действие вне отношения к определенному времени, то ярче проявляется его ирреальность, и реализация ни в настоящем, ни в будущем вообще не подразумевается. К этой структуре примыкает цепочка отрицательных инфинитивных конструкций со значением неизбежного предстояния, грамматическое ядро которых, выраженное глаголом многократного вида, предопределяет возможность свершения действия как в настоящем, так и в будущем.

Эта конструкция приобретает особый вес, так как поэт использует ее для финального завершения песни, и итог приобретает категоричность идейно-эстетического «пуанта». Открытый ряд отрицательных инфинитивных структур, представляющих внеличное действие с модальным значением роковой неизбежности, усиленным синтаксическим параллелизмом, создает интонационно-смысловой каркас песни. Яркий лаконизм и афористичность этой поэтической формулы подчеркивается особой законченностью ритмического рисунка; логическое выделение отрицательного главного члена,

передающего особую категоричность высказывания пословичного типа, активизирует эмоциональное восприятие читателя.

Так же оформлен финал стихотворения «Вырастает дума, словно дерево…»:

Не поймать на ветру ветра буйного,
Тень от облака летучего
Не прибить гвоздем ко сырой земле.

(168)

В лирике А. К. Толстого часто встречаются инфинитивные конструкции в составе сложного целого, причем чаще всего они представлены в текстах, созданных в духе народнопоэтической традиции.

По наблюдению исследователей[16], наиболее часто в грамматический контакт с инфинитивным предложением вступают придаточные условия в разных позициях по отношению к главному.

Двучленная конструкция сложного целого, состоящая из двух инфинитивных предложений, в первом из которых выражается условие, а во втором — вывод, легла в основу композиционного строения стихотворения «Коль любить, так без рассудку…». Здесь поэт использует один из приемов синтаксического сцепления, характерного для мелодики напевного стиха, — симметричное построение с нанизыванием однотипных конструкций (именно так выражена с начала и до конца поэтическая мелодия всего стихотворения). При этом в полной мере реализуется афористичность пословичного типа:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли споить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

(84)

Согласно идейно-эстетическому замыслу, поэт избирает оптимальную форму для выражения доминирующих качеств русского характера, когда каждое дело, каждое слово — вперехлест. Краткие, емкие, структурно и семантически завершенные фразы, по своей формульности близкие к пословице, с помощью скупых изобразительных средств передают красоту и мощь русского национального характера.

---

[16] *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. С. 236—239; *Тарланов З. К.* Наблюдения над инфинитивными предложениями в составе сложного целого (на материале языка басен и комедий XVIII в.) // Вестник ЛГУ. Вып. 2. 1963. № 8. С. 105—115.

Изъяв главный член из структуры грамматически доминирующего предложения, А. К. Толстой функционально нагружает обстоятельственные определения *«без рассудку»*, *«не на шутку»*, *«сгоряча»*, *«сплеча»*, *«смело»*, *«за дело»*, *«всей душой»*, их весомость усиливается сильным положением в стихе: все они завершают стиховой ряд. Выбранная форма позволяет создать эмоционально насыщенный, обобщающий образ. Регулярно повторяемые *«коль»* — *«так»* создают ритм раскачивающегося маятника, отмечающего полярные точки, которые определяют предельно широкий диапазон русской удали в мироощущении художника, основные качества добра молодца.

Нередко инфинитивы даже в зависимом употреблении помогают А. К. Толстому строить субъектную структуру повествования так, чтобы лирический герой был воплощен в национальных формах речи, помогают актуализировать национальный взгляд на мир. В стихотворении «Сижу я и думаю, что мне тужить за охота…» познавательная ценность высказывания усиливается вопросительной интонацией. Вопросительные инфинитивные предложения независимо от структурных особенностей получают обратно вопросительное значение, они «фактически выражают нечто противоположное тому, о чем спрашивается или заявляется в предложении»[17]:

> Сижу я и думаю: *что мне тужить за охота*,
> Коль завтра прогонит заботу другая забота?
> Ведь надобно место все новым и новым кручинам,
> *Так что же тужить, коли клин выбивается клином?*
>
> *(175)*

Инфинитивные конструкции участвуют в оформлении композиционного построения текста, создавая композиционное кольцо. Причем эмоциональное напряжение, заданное первым инфинитивом, его своеобразной организацией (фразеологизированное односоставное предложение), вторым инфинитивом снимается. Первая инфинитивная структура интонационно весьма насыщена: в условиях последовательного подчинения она выступает одновременно как изъяснительный аподозис и условный протазис. Для уточнения лица, которому должно осуществить действие, наличие грамматически оформленного косвенного субъекта считается необходимым, но во второй инфинитивной структуре, выступающей как условный протазис, косвенный субъект устранен, и контекстом определяется в обобщенно-личной форме, вне какого-либо конкретного временного значения, чем достигается высокая степень обобщения. Имплицитно выраженное значение долженствования с оттенком раздумия в конце текста поглощается значением долженствования с оттенком уверенности, которое подкреплено лексически введени-

[17] Тимофеев К. А. Указ. соч. С. 270.

ем яркого фразеологизма «*клин вышибается клином*»[18]. Такой подбор языковых средств помогает автору в обобщенной форме представить оптимизм как национальное качество, помогающее в противостоянии «все новым кручинам».

В советском литературоведении в социологическом ключе решалась схема: формы народной речи осваивались поэтами некрасовского направления, которые оформляли в истинно народном духе свои произведения, а представители «чистой» поэзии отдавали дань книжной традиции[19]. Исследование поэтической речи А. К. Толстого разрушает эти надуманные представления: граф А. К. Толстой, казалось бы, взращенный на образцах книжной культуры, не просто свободно и органично владеет широкой палитрой народнопоэтических языковых средств разножанровой приуроченности, но и достигает исключительного мастерства в создании лирических шедевров, несущих в себе национальную русскую идею.

Литературная деятельность А. К. Толстого протекала в основном в 50—60-е годы XIX века — период острой политической и литературной борьбы. В своем программном стихотворении «Против течения», ярко отразившем полемику 60-х годов, когда в литературе и журнальной критике устанавливаются жесткие императивы социально-политического характера, он выступает с манифестом истинного искусства. Главное существо спора поэт видит в наступлении «века положительного», века иных ценностей, которое было им символично обозначено доминирующей ролью «искусства пользы». Позиция современной журналистики возмущала А. К. Толстого как художника, поэтому эстетической доминантой этого текста, в частности, становится полемическая формула «против течения», значение которой усилено рефреном в конце каждой строфы и вынесением ее в заглавие. Формулируя позицию своих оппонентов, А. К. Толстой выбирает конструкцию с подчеркнуто объективированным значением, она содержит дополнительную аргументацию:

Сдайтеся натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения.

Кто воспротивится нашему множеству?
Мир обновили мы силой мышления —

---

[18] Значение этой идиомы — «уничтожать результаты какого-либо действия или состояния теми же средствами, которые это действие или состояние вызвали» (Фразеологический словарь русского языка. М., 1987. С. 110).

[19] См.: «Некрасов практически опровергал внедряемый дворянскими литераторами пренебрежительный взгляд на крестьянский язык, как на «мужицкий», приспособленный лишь для выражения животных, низменных переживаний» (*А. Еголин.* Николай Алексеевич Некрасов // Классики русской литературы. М. — Л.: Детская литература, 1953. С. 379—380).

Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?

Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!

(186)

Автор отстаивает эстетическую платформу истинного искусства в противопоставлении «искусству пользы» и, употребляя намеренно разговорную структуру, конструирует иронический подтекст «чужого» слова. Занимая сильную позицию в строфе в качестве ее финальной формулы, «чужое» слово становится художественной доминантой. Благодаря лаконизму и сжатости инфинитивной фразы, ирония перерастает в сарказм, определяя истинное отношение представителей «века положительного» к «отжившему племени».

Другой яркий пример употребления зависимого инфинитива в стилизованном под фольклор тексте:

Ой, ***честь*** *ли то молодцу лен прясти?*
А и ***хвала*** *ли боярину кичку носить?*
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть?
Во приказе сидеть, потолок коптить?

(129)

В центре внимания оказывается эпическая формула добра молодца «*честь-хвала*», которая в поэтическом контексте разбивается, являясь грамматическим центром двух разных предложений соседних стихов. Эта фольклорная формула в сочетании с инфинитивами дает возможность очертить морально-этический императив национального сознания, специфический ракурс социальных реалий. Всем известно мнение А. К. Толстого о том, что «*служба и искусство*» несовместимы. В письме к Александру II он пишет: «*...служба, какова бы она ни была, противна моей натуре*»; отставка ему нужна, «*чтобы идти ясно определившимся путем и не быть больше птицей, щеголяющей в чужих перьях*»[20]. В стихотворении «Ой, честь ли то молодцу лен прясти...» конкретная автобиографическая ситуация решается в национальных формах.

Таким образом, инфинитивные предложения, с их богатыми модальными возможностями, в лирических стихотворениях А. К. Толстого выполняют разнообразные функции: устраняя неопределенность, переводят повествование в обобщенно-объективный план; служат способом создания гиперболизированного, масштабного образа; используются для построения приема

[20] *Толстой А. К.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 311.

психологического параллелизма, для финального завершения песни; создают основу композиционного построения текста; помогают актуализировать национальный взгляд на мир. Но основная их задача — показать устремленность русского синтаксиса к расширению объективирующих возможностей. «Этот уникальный по своей экономности, выразительности, внутренней энергии способ объективирования модальности, исходно по своей сути являющейся субъективной, привязанной к личному началу в предложении»[21].

Интересна полемика по поводу некоторых типов русского предложения в контексте русской этнической психологии и культуры, развернувшаяся на страницах журнала «Филологические науки» между З. К. Тарлановым и А. Вежбицкой. Рискнем и мы присоединиться к этой полемике.

Комментируя особенности соотнесенности некоторых типов предложения с этнической культурой и мировосприятием, А. Вежбицкая противопоставляет русский синтаксис, в котором, по мнению исследователя, доминирующее положение занимают пациентивные конструкции с дательным падежом субъекта, «представляющие события не полностью постижимыми»[22], синаксису современного английского языка, который «изобилует номинативными и им подобными конструкциями»[23]. Автор считает: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению»[24]; следовательно, русский синтаксис свидетельствует о природной склонности народа—носителя языка к пассивности и фатализму, неспособности противостоять слепой силе враждебных ему событий, в то время как в английском языке все обстоит наоборот.

Совершенно правомерно З. К. Тарланов указывает на очевидную детерминированность подобных оценочных комментариев факторами идеологического порядка. Осуществляя строгий научно-исторический подход к фактам языка, З. К. Тарланов убедительно доказывает, что наличие в русском языке подобных конструкций «свидетельствует о беспрецедентном, энергичном, почти взрывном развитии русского синтаксиса» и есть не что иное, как «отражение в русской культуре другой тенденции — *тенденции к объективированию и объективизму*»[25].

---

[21] *Тарланов З. К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999. С. 113.

[22] *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 75.

[23] Там же. С. 56.

[24] Там же. С. 76.

[25] *Тарланов З. К.* Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия // Филологические науки. 1998. № 5. С. 67.

Наше исследование функционирования инфинитивных предложений в лирике А. К. Толстого подтверждает доводы З. К. Тарланова как аппонента А. Вежбицкой. Инфинитивные предложения, как и безличные, не могут претендовать на господствующее положение в синтаксическом строе лирики крупного русского поэта: на их долю приходится всего 2%, на долю безличных — 5,6%; структуры же, построенные по модели агентивных предложений, составляют 85%. Но главное даже не в этом. Дело в том, что все богатство модальных оттенков инфинитивных предложений направлено на решение общей эстетической задачи — *объективировать* содержание высказывания.